

УДК С546.21

Т.В. Кисельникова

**«МОДЕРНИЗАЦИЯ ИНДУСТРИАЛЬНОГО ОБЩЕСТВА»:
МАРГИНАЛИЗАЦИЯ НАСЕЛЕНИЯ И ДЕМОКРАТИЯ**

Рассматриваются проблемы демократии, которые возникают в развитых странах Запада в рамках уже «рефлексивной модернизации», т.е. процессов формирования «постиндустриального» общества. Поскольку такая модернизация неизбежно в условиях глобализации распространится на другие регионы, то разумнее проводить ее с учетом опыта предшественников, в том числе и негативного.

Ключевые слова: «рефлексивная модернизация», маргинализация, люмпенизация, демос, демократия.

«Модернизация индустриального общества», или «рефлексивная модернизация» (оба понятия принадлежат немецкому социологу Ульриху Беку), – это модернизация уже индустриализованного и урбанизированного общества. Классическая модернизация представляет собой переход от традиционного общества (преимущественно аграрного) к индустриальному. Этот переход включает в себя «все более углубляющееся разделение труда, обмен деятельностью, развитие науки и промышленности, бурную урбанизацию, формирование гражданского общества и демократических общественно-политических структур власти, движение от иррациональности к рациональности социального действия ... Обобщающий, всеобщий критерий модернизации – расширение степеней свободы деятельности каждого отдельного индивида, личности» [1. С. 38]. Очевидно, что сутью модернизации классической является преодоление отсталости как комплексного явления (в экономике, политической сфере, культуре и социальной жизни). Нет сомнения в том, что в течение XX в. в странах «первого эшелона» модернизации, завершивших ее к середине века (и демонстрировавших остальным странам «их собственное будущее»), политическая система была в целом демократической.

Складывающееся «постиндустриальное» общество У. Бек называет «индустриальным обществом риска», главной чертой которого он считает «индивидуализацию» социальных отношений. «Люди освобождаются, – утверждает У. Бек, – от классово окрашенных отношений и форм жизнеобеспечения в семье и начинают в большей мере зависеть от самих себя и своей индивидуальной судьбы на рынке труда» [2. С. 106]. Мы берем суждения У. Бека за основу, потому что его книга 1986 г. «Общество риска. На пути к другому модерну» стала уже классической в социологии, и тезисы, защищаемые в ней автором, разделяются большинством специали-

стов. К «рискам» У. Бек относит «нестабильность» в социальной и моральной сферах, обусловленную изменениями, прежде всего, в трудовых отношениях, и разрушение природы. Причиной «рисков» выступают характерные черты ситуации, в которой протекает «рефлексивная модернизация» – глобализация и новый этап НТР.

Несмотря на серьезность «рисков», общество, писал У. Бек, в состоянии с ними справиться, потому что уже есть факты, об этом говорящие. Например, в семейных отношениях, по его мнению, «из двух крайностей – семья или несемья – все большее число людей «выбирает» третий путь: противоречивую **плюралистическую суммарную биографию на переломе**». Этот биографический плюрализм жизненных форм, т.е. смена семей, соединенная и прерываемая другими формами совместной или одинокой жизни, становится, по мнению У. Бека, (парадоксальной) «нормой» общности и противостояния мужчин и женщин в условиях индивидуализации [2. С. 106].

В системе наемного труда происходит переход «от системы стандартизированной полной занятости к системе гибко-плюральной неполной занятости ... В этой системе безработица, – так сказать, в облике различных форм неполной занятости “интегрирована” в систему занятости, но таким образом заменена **генерализацией нестабильностей занятости**, которых “старая” система единой полной занятости в этом смысле не знала» [2. С. 209]. Здесь У. Бек обращает внимание на тезис Х. Шельски, который в 1960-х гг. утверждал, что «семья и профессия суть две стабильные опоры, оставшиеся у человека в условиях модернизации. Они придают его жизни “внутреннюю стабильность”» [2. С. 203]. У. Бек в принципе с ним согласен, поэтому он и указывал на то, что, хотя и существует серьезная опасность, угрожающая этим «стабильным опорам» со стороны «рефлек-

сивной модернизации», их все же можно сохранить, изменив лишь формы. У. Бек полагает, что вместо постоянной (непрерывной) работы в одном месте (коллективе) индивид будет мобильно трудиться, в течение жизни не раз меняя места работы. При этом предполагается, что материальное благополучие основной массы тружеников не пострадает.

Политический режим, утверждал У. Бек, сохраняет (и сохранит в дальнейшем) демократический характер. Изменения показывают, с его точки зрения, что все большее число граждан стремится участвовать в принятии политических решений, создавая новые общественные организации, демонстрируя определенное охлаждение к традиционным политическим партиям. «Во всех западных демократиях, – отмечал У. Бек, – партийные центры теряются в догадках по поводу **растущей доли переменных избирателей**, из-за которых политический гешефт становится непредсказуем ... В инверсии это означает следующее ... благодаря заметной уже пропасти между притязаниями населения и их представительством в спектре политических партий гражданские инициативы и новые общественные движения получают совершенно непредусмотренную политическую силу и широкую поддержку» [2. С. 287, 288].

Вот этот оптимистический сценарий У. Бека в политических изменениях с середины 1990-х гг. начинает подвергаться критике, причем критики обращают внимание на тесную связь между положением дел в трудовых отношениях и демократией, то есть на то, что «без демоса не может быть демократии» [3. С. 137], на то, что маргинализация и тем более люмпенизация трудящегося населения может привести к вырождению демократии.

Нужно сказать, что эта проблема не нова – на нее (правда, в другом историческом контексте) указывал в начале XX в. российский теоретик и идеолог неонародничества В.М. Чернов. Думается, что нелишним будет напоминание его взглядов на этот счет. Он предлагал различать «два сорта народа»: «демос» как «совокупность трудящихся классов» и «охлос» – «толпу, улицу, чернь», «воздушный народ» [3. С. 116, 119]. Термин «воздушный народ» хорошо показывает психологические особенности «охлоса» и их причины. «Воздушный народ», по Чернову, – это люди «без определенных занятий, без правильных средств к существованию, выбитые из жизненной колеи» («люмпен-пролетарии», «люмпен-торговцы», «люмпен-ремесленники», «люмпен-спекулянты»). Если «демос» отличается «высокоразвитой самодисциплиной», то «деклассированные» индивиды ведут се-

бя «как социальное перекасти-поле: их может подхватить и понести любой ветер» [3. С. 119].

Из текста В.М. Чернова видно, что ключевым условием формирования и существования «демоса» он считал участие индивидов в трудовой деятельности, потому что, по его словам, трудовая деятельность – это еще и «параллельный процесс выработки рабочей **личности**» [3. С. 130]. Я считаю, что В.М. Чернов прав, так высоко оценивая социальную роль труда, сюда можно добавить еще и то обстоятельство, что наемный труд продолжает оставаться для большинства населения источником средств к существованию, со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Возвращаясь в современность, мы увидим, что все больше социальных мыслителей оценивают рост безработицы в разных социальных слоях и связанную с этим их маргинализацию не только с точки зрения экономических проблем, но и политических, причем речь идет о докризисном периоде конца XX – начала XXI в. Возьмем для примера суждения известных ученых. Так, Зигмунд Бауман (Великобритания) использовал в своих исследованиях результаты проводившегося в Голландии под руководством Геерт Ван дер Лаана «всестороннего социологического анализа» ситуации с рабочими местами. Он подчеркивает те выводы голландского ученого как наиболее важные, где тот констатирует факт, что «работа стала относиться к классу высоких, едва ли не спортивных достижений, практически недоступных для большинства людей средних способностей, ищущих им применения. ... Трудовая жизнь насыщается неопределенностью ... совершенно нового вида. ... Неопределенность наших дней является могущественной **индивидуализирующей** силой. Она разделяет, вместо того, чтобы объединять, и поскольку невозможно сказать, кто может выйти вперед в этой ситуации, идея «общности интересов» оказывается все более туманной, а в конце концов – даже недостижимой» [4. С. 26, 29, 30, 31]. Это обстоятельство, по Бауману, проблематизирует основополагающие принципы демократии.

Статистика подтверждает выводы Г. Ван дер Лана (табл. 1).

По данным Международной организации труда (МОТ), в мире на начало 2010 г. официально безработными являлись 6,6 % трудоспособного населения, что составляло 212 млн человек. По ее же прогнозам, в 2010 г. число безработных «в развитых странах и в Европейском союзе» вырастет еще на 3 миллиона [6], что и произошло.

Другой британский ученый, Иштван Мессарош в интервью журналу «Нагд» в июне 1998 г. говорил: «Мы являемся свидетелями того, что происходит... в так называемых «развитых капиталистических странах» Запада: сотни тысяч «белых воротничков» было изгнано и безжалостно

статуса и рефлекссы самоутверждения прослоек, которым угрожает упадок, могут обесценить легитимность институциональных процедур и самих институтов» [8. С. 224, 225].

Г.Я. Ракитская (Россия) указывает на самую социально опасную, по ее мнению, тенденцию –

Таблица 1 [5. С. 606]

Уровень безработицы в отдельных странах, 1970 и 1998 гг., %

Страна	1970 г.	1998 г.	Страна	1970 г.	1998 г.
Австрия	1,6	8,0	Нидерланды	1,1	5,0
Канада	5,9	8,3	Филиппины	5,2	7,9
Финляндия	1,9	11,4	Южная Корея	4,5	6,8
Франция	2,4	12,0	Испания	1,1	18,8
Германия	0,7	12,3	Швеция	1,5	6,5
Италия	5,4	12,0	Великобритания	2,6	4,7
Япония	1,1	4,1	США	4,9	4,5

изгоняется из производственного процесса... безработица повсеместна и носит эндемический характер ... Все время нужно иметь в виду, что разговор идет о динамических процессах развертывания и трансформации». Этот процесс, заявляет И. Мессарош, «угрожает человечеству опустошением...» [7. С. 126]. Юрген Хабермас (Германия) указывает на ухудшение социальной защищенности растущего числа безработных и на то, к чему это ведет: «Невозможно не разглядеть, – пишет он, – симптомов роста нищеты и социальной нестабильности при растущей диспропорции в доходах, нельзя не заметить и **тенденций к общественной дезинтеграции** (выделено мною. – Т.К.). Расширяется пропасть между жизненными условиями работающих, частично занятых и безработных. Там, где **собираются в пучки** исключения – из системы занятости и из системы продолжения образования, из сфер государственных суждений, из рынка жилья... – возникают «нижние классы». Эти пауперизованные и в значительной степени оторванные от остального общества группы больше не могут изменить свое социальное положение собственными силами» [8. С. 224]. Это означает, уверен Ю. Хабермас, начало процессов «десолидаризации», опасных для демократии: «Такая десолидаризация... означает долгосрочное разрушение либеральной политической культуры, к универсалистскому самопониманию которой с необходимостью прибегают общества с демократической конституцией». Конкретно здесь имеется в виду то, что маргинализирующиеся социальные слои не могут быть основой демократии: «Формально корректно проводимые в жизнь постановления большинства, отражающие только страхи перед утратой

формирование не просто «резервной армии труда», а «социальных резерваций». В частности, она «фиксирует» процесс «увеличения “лишнего” (лишнего для капитала) населения – оттеснение все большей части людей от участия в созидательной практике ... в двух формах. В форме развития потребительства ... И в форме возникновения широкого слоя населения с вынужденно-нетрудовым типом жизнедеятельности. Это – не временно безработные... а в лучшем случае – временно занятые, труд в жизни которых носит эпизодический характер. “Лишняя” часть населения образует ущербную, социально нездоровую часть общества – **социальную резервацию** (в том числе социальное дно)» [9. С. 44]. Г.Я. Ракитская специально подчеркивает, что «социальная резервация» не может быть «ресурсом демократии», она – «ресурс консерватизма и реакции вплоть до фашизма», потому что «сегрегация трудящегося населения на нужное мировому капиталистическому рынку и ненужное ему создает почву для закрепления... приспособленческого типа общественного сознания и социального поведения, порождает и укрепляет чувство социальной неполноценности вместо чувства человеческого и гражданского достоинства» [9. С. 45].

Как видим, налицо редкое единодушие относительно оценки интересующей нас проблемы. Но интерес представляет не только и не столько констатация нарастания негативных для демократии тенденций, имеющих корни в неблагополучии в трудовых отношениях, сколько представления о возможных способах справиться с этими угрозами демократии. Здесь наблюдается разброс мнений от глубокого пессимизма через скептицизм до умеренного оптимизма.

3. Бауман пессимистичен: «...Самая сложная из политических загадок заключается сегодня, не столько в том “что следует делать”, а в том “кто может сделать это, даже если бы мы и знали что”». «Сегодня одинокие граждане, – считает 3. Бауман, – приходят на **agora** только для того, чтобы побыть в компании таких же одиночек, как они сами, и возвращаются домой, еще более утвердившись в своем одиночестве. Таким оказывается “гордиев узел”, по рукам и ногам связывающий будущее демократии: возрастающее бессилие социальных институтов разрушает интерес к общественным проблемам и общим позициям, в то время как исчезающие способности и желания переводить частные страдания в плоскость общественных проблем облегчают работу тех глобальных сил, которые способствуют этому бессилию и кормятся его результатами. Чтобы разрубить этот узел, необходимы проницательность и храбрость Александра Македонского» [4. С. 257, 258].

У. Бек к 2000 г. тоже скорректировал свои оптимистические взгляды в сторону большего скептицизма. В условиях глобализации «новым политическим субъектом должны были бы стать, как ему представляется, “движения и партии граждан мира”» [2. С. 380], но как, с нашей точки зрения, верно замечает А. Филиппов, автор послесловия к книге У. Бека «Общество риска», «эта милая идея внушает все-таки некоторые сомнения тем, кто внимательно читал самого Бека» [2. С. 380]. Ю. Хабермас выход из этой ситуации связывает с укреплением «космополитической солидарности», поскольку глобализация переводит проблему в разряд глобальных: «... Решающий вопрос состоит в том, сможет ли **в гражданских обществах и у политической общественности единой системы**, занимающей территории многих стран, сложиться сознание необходимости космополитической солидарности». Он надеется, что это, возможно, произойдет «под давлением обстоятельств». «Водушевяющим примером», доказывающим реальность такой возможности, Ю. Хабермас называет прецедент с формированием в свое время «пацифистского сознания» [8. С. 231, 232].

Позиция Ю. Хабермаса все же не так пессимистична, как у 3. Баумана и У. Бека, но, по нашему мнению, более пристальный взгляд сразу выявляет шаткость его надежд. Дело в том, что для возникновения «космополитической солидарности» необходимо укрепление солидарности и демократии в рамках отдельных государств, а именно они и размываются процессами маргинализации населения в условиях ультралиберальной экономической политики, о чем, кстати, пишет и сам Ю. Хабермас –

ему принадлежат слова о том, что «конец XX столетия проходит под знаком ... возрождения социально беспощадного неолиберализма» [8. С. 222]. Поэтому, я считаю, надежды надо возлагать не на неопределенные «гражданские общества и политическую общественность», а на того коллективного социального субъекта, чье социальное положение ухудшается под влиянием действий «беспощадного неолиберализма» – на трудящихся. Об этом и говорят И. Мессарош и Г.Я. Ракитская, указывая на причину роста всех видов безработицы – экономическую политику, «подчиненную императиву накопления капитала» [7. С. 126; 9. С. 44]. И. Мессарош настаивает, что «социальной силой, которая может что-либо сделать, является труд. Это единственная реальная сила, способная создать, институировать **альтернативный** путь управления социальным метаболизмом. Не отдельные группы труда, а совокупный труд как непримиримый антагонист капитала» [7. С. 127]. Его позицию разделяет и Г.Я. Ракитская, хотя она высказывает опасения, что условия работы современных пролетариев затрудняют формирование единого социального сознания.

Как бы то ни было, но эти ученые лишь указывали на возможного субъекта борьбы против корпоративной глобализации (во главе с ТНК) и неолиберальной по характеру «рефлексивной модернизации», ставя вопрос теоретически. Однако к началу XXI в. социальные теоретики получили эмпирический материал, позволяющий несколько более оптимистично оценивать перспективы демократии. Имеется в виду деятельность многообразных движений и НПО за придание глобализации более справедливого для тружеников характера с главным лозунгом «Люди важнее прибыли». Вышли из печати труды, уже обобщающие действия «альтерглобалистов» (Джордж С. Доклад Лугано. О сохранении капитализма в XXI веке; Кляйн Н. NO LOGO. Люди против брэндов; Глобализация сопротивления. Борьба в мире). Выяснилось, что эта борьба столь масштабна, что заставляет в отдельных случаях отступать и ТНК, и правительства, и учитывать интересы не только капитала, но и так называемых простых людей.

Какие же цели ставят перед собой участники движения? Как зафиксировано в «Декларации Второго американского Народного саммита» (Квебек, Канада, апрель 2001 г.), его участники хотят: «...построить мосты между народами Америки ...придать друг другу силы при выращивании представительной и партисипативной демократии... абсолютного уважения прав рабочих, профсоюзов и переговоров между предпринимателями

и профсоюзами об условиях труда. Мы хотим гарантировать первенство прав человека и коллективных прав ... Мы хотим, чтобы государство усиливало демократию, гарантировало производство и распределение богатства, универсальный и свободный доступ к качественному общественному образованию и здравоохранению, особенно женщин... чтобы государство ... гарантировало уважительное отношение к окружающей среде от имени настоящих и будущих поколений. Мы хотим социально эффективных и экологически продуманных инвестиций. Правила, установленные на всем континенте, должны стимулировать иностранных инвесторов, которые будут гарантировать создание качественных рабочих мест, устойчивого производства и экономическую стабильность, блокируя спекулятивные инвестиции...» [10. С. 155].

Ясно, что от страны к стране, от региона к региону требования варьируются, но общее направление понятно. Ясно также, что массовая борьба только начинается и впереди – трудности, связанные с ростом и развертыванием самого «альтерглобалистского» движения во всей его противоречивости. В связи с этим можно указать на то, что среди активистов уже начинает укрепляться мнение о необходимости расширять не представительную, а прямую («низовую») демократию. Наоми Кляйн пишет, что «многие из сегодняшних активистов ... считают, что ... враждебность по отношению к глобальным об-

щественным институтам – лишь симптом более широкого кризиса «представительной» демократии ... при которой власть и принятие решений поручается людям, все дальше и дальше отстоящим от мест, где последствия их решений реально ощутимы» [5. С. 559]. Такое мнение отличается от зафиксированного в Декларации Второго американского Народного саммита. Так что разногласия есть и еще будут, но это естественно в таком масштабном деле. Главное – справляться с проблемами роста с возможно меньшими издержками. Но это – тема уже другого исследования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Красильщиков В. Модернизация и Россия на пороге XXI века // Вопросы философии. 1993. № 7.
2. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну / Пер. с англ. М., 2000. Переиздание книги 1986 г.
3. Чернов В.М. Охлос и демос // Гусев В.К., В.М. Чернов. Штрихи к политическому портрету. М., 1999.
4. Бауман З. Индивидуализированное общество. М., 2002.
5. Кляйн Н. NO LOGO. Люди против брэндов. М., 2005.
6. Известия. 2010. 28 янв.
7. Вызовы нашего времени. Интервью с Иштваном Мессарошем // Альтернативы. 2000. № 2.
8. Хабермас Ю. Политические работы. М., 2005.
9. Ракитская Г.Я. Идеология последовательного гуманизма: предпосылки и вероятность реализации // Альтернативы. 2007. № 1.
10. Глобализация сопротивления: борьба в мире. М., 2004.